

Андрей Десницкий

Твоему двору

стихи

ОГЛАВЛЕНИЕ

Караван.....	3
Странники.....	4
Без слов перетертые крылья.....	5
Твой день рождения.....	6
Твоему двору.....	7
Белая птица придет к тебе и запоеет.....	8
1938 – 1988.....	9
86-й год.....	10
Сергий-строитель.....	11
На дне сердец забытое добро.....	12
Часовой 2-го поста 3-й смены.....	13
Памяти В. А. Грихина.....	14
Имени XX съезда.....	15
Памяти А. Д. Сахарова.....	16
Lilled - Цветы.....	17
Московское Рождество.....	18
Весна глазами детства.....	19
К столу приходит море, и тогда.....	20
Мы поженились на исходе детства.....	21
Россия.....	22
Моя любовь меня переросла.....	23
Памяти Давида Самойлова.....	24
Крещенский романс.....	25
Даша.....	26
Ты – самый ближний, и любить вразброд.....	27
Серый взгляд под копной вельможной.....	28
Звенигород.....	29
А деревья на Трубной шумели.....	30
Paris.....	31
Страстная Пятница.....	32
Когда давно не снятся паруса.....	36
Это больно, когда Ты уносишь боль.....	37
Кызыл.....	38
Латвии.....	39
Распадается дружба... к чему нам причины?.....	40
Виртуальности.....	41

Читая Екклесиаста.....	42
Никому ты не дашь этих дней.....	43
И что с того?	44
Переведи часы, переведи.....	45

КАРАВАН

Восемь дней от воды до воды.
На исходе четвертого дня –
пол-пути, пол-еды, пол-беда,
пол-песка, пол-огня.

Караванный отряд бедуин:
три десятка верблюжьих горбов,
да десятков недвижимых спин,
да, наверное, сотня тюков.

Только проблеск невидимых змей,
миражей (очень редко!) туман ...
Солнце. Восемь шагающих дней.
Нить в пустыне. Идет караван.

А когда остывают пески
и светлеет звезда за звездой,
замедляют верблюды шаги.
Остановка. Ночлег и покой.

Бисми ллахи ррахмани ррахими!
Окруженный песками Твоими
и под вечною звездной пустыней
обращаю смиренное слово
к неизменному спутнику – Богу.
Сохрани – сквозь самум и дорогу,
доведи, о Единственный, ныне,
доведи, о Единственный, снова.
Бисми ллахи ррахмани ррахими!

А во сне – видят пальмовый стан
у прохладных спокойных прудов,
стройных дев. И вся жизнь – караван,
путь в пустыне до райских садов.

Солнце. Вечность. Небесная синь.
Что за этим бесстрастным лицом?
Стать нетрудно – пророком пустынь.
Стать нетрудно – пустынным глупцом.

И песок засыпает следы,
и в барханы уходят года ...
Восемь дней от воды до воды –
путь сегодня. Вчера. И всегда.

10-12 мая 1985, Москва.

СТРАННИКИ

Бродившие по всем концам земли
к святым местам – местам, где нету нас –
в усталости, безмолвии, пыли
и на миру не пряча светлых глаз,
что видели и церковь, и острог,
и почитают чудом черный хлеб,
и ведают, чего не знает Бог,
не ведая лишь собственных судеб...
Входившие и в запертую дверь,
дававшие, когда и не просили,
мне кажется, вы даже и теперь
бредете по окраинам России.
И бабы опускают молча взор,
и дети любят больше, чем святых,
и мужики заводят разговор
о тридевятых птицах золотых...
И к вечности – бродяжною тропой,
и жизнь свою – за счастье живущих...
Так дай вам Бог найти в душе покой
и в каждом доме – хлеб для неимущих.

июль-август 1985, Москва.

* * *

Без слов перетертые крылья
бесправием веры в обман.
Их гнали из стен пересыльной,
вокзальной, без окон, в туман.
И сотней убитых простраций –
в безмолвие смерти и снег.
От Сталина к Сталину – станций
стучащий размерен разбег.

Безбожному кончили бога,
бессрочному кончили срок.
Прощенья. Забвенья. Итога.
... А поезд идет на восток.
В музеи сданы позументы,
все в прошлом.
Поверить.
Принять.
Пустые стоят постаменты
и станции, станции – вспять.

18 апреля 1986. Москва.

ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ане, рожденной 18 января 1987

Полуприкрытыми ветками белыми,
синим и розовым облаком, голыми
днями, где снег перемешан со стенами,
снами, где смешаны небо и голос твой.
Я еще не видел тебя и не было имени...

20 января 1987

ТВОЕМУ ДВОРУ

Белый двор без цели и без века –
тайный стон о нас, и в тополя
как в людские души, переехал
теплый запах старого жилья.
Прежних лет названия – рукою
снов и крыш, раскрытой в синеве.
Белый двор, затверженный Москвою.
Белый двор, развенчанный в Москве.
Век и старый город – с их уходом
стала болью память, ибо там
мы встречали весны по восходам
и года считали по дворам.
Двор, ты вечен, ибо было чудо.
В этот день мы видели: вокруг
крыши, крыши, снег и свет повсюду.
Ветви, что сплелись, как тень от рук.

Июль 1986 – май 1987. Москва.

* * *

А. Ш.

Белая птица придет к тебе и запоет.
Потому что я сам не умею держать ответ,
крыльям этого голоса я отдаю свой взлет,
и из собственных крыльев твой я слагаю след.
Белая – белая – белая.
Слов не найдешь.
Это соткан из облака твой покой,
это шелестом нежности на руку сходит дождь,
это звоном копыт
 за рекой – над рекой – под рукой
приближается голос.
Белая птица поет.
Тонкое горло солнце не в силах сдержать.
Крыльям этого голоса я отдавал полет,
потому что себя я не смог до конца отдать.

3 июня 1987. Три дня до ухода в армию. Кратово.

86-й год

А.Ш.

Дома Москвы смеялись от дождя
и птицы сумасшедшие галдели,
и как по нотам, я читал тебя
по ранним улицам апреля.
Ведь можно лишь с беспечностью твоей
всем окнам в переулках по соседству
раздаривать хозяев и гостей –
и мы вдвоем в одно бросались детство.
И раскрываясь, плыли тополя,
их шумный вал – с Рождественского к Трубной,
и ты была открыта, как земля,
и мне с тобой, как с небом, было трудно.
Дарили все, что видели. Апрель,
над городом раскинутый прибором ...
И я еще не знал, что нас теперь
на свете – трое.

10 - 22 апреля 1988. г. Бобров.

СЕРГИЙ-СТРОИТЕЛЬ

Снег застал за работой. Рука
приспособилась так к рукояти
топора, как к изгибу пера,
что выводит омеги и яти.
Что Писанье, что сруб – на века.
Что дыханье тяжелое, где
шум работы и шепот молитвы
перемешаны. На бороде –
капли пота да инея нити,
брызги солнца на стылой воде.
Этот снег станет ризами (лет
минет много), и утро застынет
в сини купола. Между святыми –
шепот свечек, и скрестится свет;
и нечаянный день тот ворвется:
сноп лучей светового колодца –
как сквозь кроны вошедший рассвет.
Он мечтал, и творила рука,
собирая, как легкие – воздух,
в матерьял для строительства звезды,
запах смол, шум ветвей, даже крик
черных птиц на заснеженной пашне ...
Строил завтрашний день и вчерашний
Этот вечный русский старик.

Мы гордимся собой – да только
разыскать бы хоть те постройки ...
И своя-то душа – потемки.
Что осталось у нас, потомки?

Слишком крепко в землю вы вросли,
церкви русских городов и весей.
По этапу вас не повели –
вас расстреливали без судов и следствий.

Январь – февраль 1989. г. Бобров.

* * *

На дне сердец забытое добро.
Заваленный родник. Трава забвенья.
И вóрота оставленное пенье.
Просторный дом, в котором не светло.
Пустыни начинаются не вдруг,
и тонут в них колодцы, звезды, реки,
и голоса песков, как человеки,
расходятся и замыкают круг.
Мой голос потерялся в тех холмах,
где в детстве строил тающие башни,
и у того прибоя, где вчерашний
мой день был только солью на губах,
а руки обнимали хвойный лес
(тогда и пальцы назывались «ветви»),
а время было – пыль в колоннах света,
что через кроны шли наперерез.
Во мне живет молчанье камня.
– Знай,
В песках название жизни есть «дорога»,
и помни про забытый Богом край,
что каждый камень не забыт здесь Богом.
Во мне живет моя простая жизнь,
я не собрал ни мудрости, ни света,
и весь мой дом – огромная планета,
пустыней заболевшая...
– Держись!
И я держусь. Весенних капель пенье
родится из слепой моей строки.
Однажды в быт ворвется Откровенье,
незнанью и гордыне вопреки.
И вспомню вкус тех дней, что были солью,
и оживу от первого дождя...
– Ты видишь, человек, раскрытый болью
цветок огня, растущий из тебя?

февраль – май 1988, г. Бобров.

ЧАСОВОЙ 2-ГО ПОСТА 3-Й СМЕНЫ

Е.В. Медведеву

Пока нисходят облака
на ветки мартовского сада,
и блик на плоскости штыка,
и тень на плоскости ограды,
пока трава моя берет
огромный мир в свои ладони
и с голосами воздух пьет
земля, как пьют озера кони,
пока пролились небеса
забытого за зиму цвета,
пока до смены полчасика –
никто не отнимает это.
Пока во мне от жажды жить
бессвязна и свободна речь,
обид и скотства – не копить,
воспоминаний – не беречь ...
Раздать –
 развеять –
 сохранить
 себя.

28 марта 1989. г. Бобров.

ПАМЯТИ В. А. ГРИХИНА

Дороги, что ветви ломали о стекла,
и иней, которому нету предела.
И шаркали по снегу молча, и столько
замерзших людей на земле черно-белой.
Не плакали ветви – не пели поля –
Лишь зимняя камнем звенела земля.
Но не надгробно, память, говори.
И водка хоронившим – не от боли.
С кусочком хлеба – молча – стопари:
причастниками холоду и полю.
Его шаги к нетающим снегам ...
Тепло растрчено и роздано без счета,
растаял дым под сводами, и кто-то
упорно пел вослед его шагам.
И всё вокруг, и ничего вдали.
И горизонт был тут, но незаметен –
поглочены мы были только этим
горячим горем, комьями земли.
В звенящем воздухе искали мы следы.
А души наши – табуном несмелым –
вослед за ним, над болью нашей белой.
Мы шли обратно. Вечер. Блеск звезды.
Он нам простил, и мы прощали всем
земным заботам, только отставали
земные наши души. Остывали
лучи заката и перрон был нем.
И пустота вагона, пустота
внутри ... И пустоту устали слушать.
Поодиночке возвращались души
на обжитые прежние места.
И удивленно мы впускали их назад
в дома, увидев главное на свете
с высот его полета.
Белый ветер
разбил окно, впуская снегопад.

1988. г. Бобров

ИМЕНИ XX СЪЕЗДА

Моему отцу, который это видел

Не по моде и не по толпе,
и глаза к городам не привыкли...
Налегке. Чемоданчик в руке.
Кто – прощенные ль горемыки?
Капли влаги великих морей
испарили – и годы, гады,
голода́ и гробы – и к ней,
к той земле, что оставлена садом,
что пустыней возвращена –
дести ли из ста, одному ли
испаренному?

И – до дна
пить смятенье забытых улиц.
...А они возвращались, еще
не успев оценить потери,
перекинув через плечо
боль – ломились в немые двери.
Находили детей, друзей,
жен – чужих.

Но себя, похожих,
на свое назначенье – где?
Где искать Ханаан проходим?
И по кухням, пивным, дворам,
неизжитым блатным жаргоном
вел резьбу по чужим сердцам
хриплый голос тот обнаженный.

Поколение успевших забыть.
Поколение забывших принять.
Поколение не смевших простить.
Спать.

Спать.

Спать.

Сколько – спрятанных по домам?
Их бессонницы – не об этом.
Но предел потолка – глазам,
сверхзадача – понять до рассвета:
как же жизнь удалась – не та,
как же главного – не узнаем...

В доме брошенном – пустота
Ждет возврата живых хозяев.

30 апреля (Пасха) – 14 мая 1989, г. Бобров.

ПАМЯТИ А. Д. САХАРОВА

Он умер в оттепель.
Был ясный день, и улицы текли,
и воздух наполнялся голосами,
и охал снег, и оседал пластами,
но ветра южного порывы не достали
льдом и асфальтом скованной земли.

Он умер в оттепель.
Покуда все окрест
бесцветным зимним небом наливалось,
по всем устам волной передавалось
лишь два-три слова. О какая малость!
Какая простота. Какая весть.

Он умер в оттепель.
Не перед всякой смертью мы равны,
не перед всякой вестью мы в ответе,
но кто из нас не ощутил вины
как перед целым миром – перед этим
мучительным и легким до бессмертья
и детским поворотом головы?

Он умер в оттепель, Рождественским постом,
когда в России развезло дороги,
и новый год топтался на пороге,
робея пред грядущим Рождеством.

15 – 19 декабря 1989. Москва.

LILLED - ЦВЕТЫ

... Автобус распахнулся в темноту:
из дремы кресел – в предрассветный холод.
И дышит море бризом за версту,
и незнаком нам ни язык, ни город.
А у дверей автобуса – киоск
дал имя городу, тягучее, как воск.
В Таллин мы прибыли – или
в город с названием Lilled?
... А он продут и вдоль, и поперек
январским ветром, проходящим в жилы –
окаменевшей древности цветов!
И кажется, на всем проспекте живы
мы двое – да трамвай, напополам
пространство раздробив, свернул налево...
Но загорались окна по домам,
и из пекарни потянуло хлебом.
В очередной светящийся вагон
мы попросту сбежали от погоды.
И потянулась в окнах с двух сторон
ночь, оживавшая восходом.
Как память простодушна и щедра,
и к точности унылой не готова:
проглатывает годы, города,
и оставляет отзвук, запах, слово;
и то, как мы хмелели от игры
роскошной перемены декораций –
как самые красивые дворы
мы выбирали, чтобы целоваться.
И нам казалось: незнакомый путь
известен нам и незнаком проходим.
Был Таллин тесной комнатой, ничуть
на города земные непохожей.
Учтиво нам дома кивали в такт,
и башни поднимали нас на плечи,
и горизонт навстречу делал шаг,
нежданным гостем вкрадывался вечер.
Был город-день, и этот день – как год,
не мерянный закатом и рассветом.
И розовый в закатном море лед
звенел струною, камешком задетый.
Мы с ног валялись к поезду. Купе
раскрыло полки – как мы были рады!
Как благодарны были мы толпе
за равнодушие к нам и беглость взгляда;
и башням замкнутым – они рука к руке
в окне ночном неразличимо рядом;
чреде соборов разного обряда,
где на рокошущем служили языке...
Таллину, где мы были –
городу с именем Lilled.

апрель – июнь 1990.

МОСКОВСКОЕ РОЖДЕСТВО

Зверь мой сонный – мой город вечерний
за стеклом в эту чистую мглу,
в этот холод рождественский мерный
погружался, и россыпью нервной
потянулись тени к окну.

Я дремал. В неожиданном сне
наполнялось холодным закатом
и, на тысячи зданий разъято,
мое тело равнялось Москве.

Бред победы по камню разлит –
и горела рубиновым шрамом
пустота от разрушенных храмов
точно знаменье, над людьми;
и помпезный надгробный гранит,
непосильный улицам тонким
попирал под землю обломки
вперемешку с костями.

И дрожало огнем золотым
сердце города, что испытало
скальпель неотвратимей кинжала
и языческий тягостный дым.

А деревья вставали окрест
и тянулись на помощь ветвями...

И гудел, и гудел над домами
переплавленный благовест...

Нам и камни предъявят свой счет,
и земля из-под ног воззовет.

Что с кварталами случилось твоими?

В небо цвета стального листа
мезонинами и мостовыми
пробивается простота...

Там, где ищем мы вечный наш дом,
пляшет воздух за тонким окном
и в рождественской празднует мгле
возвращение радости вздоха...

И когда отмирает эпоха,
капли света дрожат на стекле.

Январь – март 1990. Москва.

ВЕСНА ГЛАЗАМИ ДЕТСТВА

Всем городам наперекор
в асфальтовые сети
чуть уловимый запах спор
весны приносит ветер.
Лишь скучных улиц берега
покинет он – и сходу
вдруг заторопятся снега
преобразиться в воду.
И следом – чудом – небеса
от долгой голодовки
и запахи, и голоса
достанут из кладовки.
Здесь воздух почками набух,
дворы – в ручьевых венах ...
И только переводит дух
насыщенность вселенной.
Придется треснуть мостовым,
зеленкой прорастая,
и в день рождения травы
прочертят небо стаи.
И полноправно, нараспев
обычный треп весенний
затеют грозы, осмелев
от запаха растений.

Май – август 1990, Москва

* * *

К столу приходит море, и тогда
кран не течет, и отступают стирки,
и поглощает мелкие придирки
бескрайняя соленая вода.
Багровый начинается закат
в районе кухни. Горизонт расцвечен
косым лучом, и крыть-то будет нечем,
когда весь мир получит имя – вечер,
единственный из тысячи подряд.
В ладони голову, и локти на столе ...
Не спрашивая у себя – откуда
ворвалось в быт непрошеное чудо
и что правдивее – немытая посуда
иль тени сосен на чужой земле?
И наскоро сметать, соединить
попробуешь два столь живущих мира,
что рассмеешься в страхе за квартиру
соседей снизу: как бы не залить!

9 января 1991. Москва.

* * *

Мы поженились на исходе детства,
когда так просто было перепутать
минуту с вечностью, и в дом принять минуту
навечно – без причин и не для следствий.
Мы переписывали грамоты разлуки,
мы версты переделывали в сказки,
мы крыльями хотели видеть руки
и безрассудными – неопытные ласки
И нам досталась горечь – чашей малой,
и, может, слишком рано – наши дети.
Есть повести печальнее, пожалуй,
но нет – неоспоримее на свете.

3 февраля 1991. Москва.

Россия

I.

Нам кажется, что мы ее храним.
Нам кажется, она непредставима
вне наших рук. Хотим любить и дым
Отечества – но слишком много дыма.
Мы говорим: ее, мол, не поймешь, –
готовы мерять мир глаголом славы.
Но всходит солнце и нисходит дождь
равно на левых, правых и – неправых.

II.

Поколение мартовского льда,
поколение шага без опоры
смотрит в непонятное «туда»,
опоздав на европейский скорый.
Перемена вида прежних мест
вновь течет – но горячо и больно
улице, когда начищен крест
медный над безгласой колокольной.
От огня витрин и до зари
он простер лучи на наши смуты...
И ладони стерли звонари,
благовест с набатом перепутав.

март 1991, Москва

* * *

Моя любовь меня переросла
и скарлатинами переболела.
А я в стихи все бегаю от дела
над полировкой гладкого стола.
Она живет уже почти вовне,
а я такой разумный и усталый,
с воздушного упавший пьедестала,
который мною выстроен во мне.
Она не слышит доводов, она
не понимает долга и причины.
Я книгами лечусь от дурачины –
за дефицитом водки и вина.
Пока еще я молод, но теперь
свой тайный привкус годы потеряли,
и даты спутались в расчетах, и едва ли
я удивляюсь частоте потерь.
Она – такая странная – жива
и без меня, без повода и срока,
и где-то путешествует далеко,
и совершенно кругом голова...

Ноябрь – декабрь 1991.

ПАМЯТИ ДАВИДА САМОЙЛОВА

Дом, в котором он жил последние годы, стоит в эстонском городе Пярну на улице Тооминга, что значит “соловьиня”.

*Что за слово – Лакстигалю –
птичье или человечесье?*

Д. Самойлов

Соловей – rossignol – Nachtigal –
это слово со щелком и свистом
на любом языке голосисто
отдается и катится вдаль ...
Жил да был человек, что любил
в городах необычных прогулки
и в стихи заносил переулки,
и названья его настигали
соловьиные – то Lakstīgaļu,
то печальное Тооминга. Жил
на последней, уснувшей в садах,
у холодного моря в соседстве,
и стихами лечился от бедствий
на балтийских сырых берегах.
И упал его голос в снега
на дорожках и в рокот прибоя
и в раскрытое счастье земное
этот голос вошел навсегда.
Будут новой страницей сады,
и нахлынут, как рифмы, приливы –
в срок зайдутся печалью счастливой
на наречьях земных соловьи.

12 декабря 1991. Москва.

КРЕЩЕНСКИЙ РОМАНС

Снег вносится в дом с сапогами,
и солнце – так поздно – в окно ...
Полкомнаты гулкой меж нами
белесого неба полно.
Ночь раньше, и чаще бы чайник,
варенье послаще – и все ж
вновь праздник в цепочке случайной
на праздник прошедший похож.
Стаканы, уют, тараканы ...
Из пасти метро внесены
цветы, и в квартирах романы
свернулись в клубок до весны.
Клеенка пестра под огрызком
в полсотни казенных свечей ...
Знакомый мой верный и низкий
январский досуг москвичей.
Беднее и реже, но все же –
то в гости, то так, то на чай,
и вечный приятель прохожий,
и вешалка рухнет в прихожей,
когда среди зимы непогожей –
три мокрых пальто невзначай.
Стада барахла на балконе
в невидимость занесены,
и в мелких морщинках ладони
от безвитаминой зимы.
И спрятаны локти и плечи
за вязкой броней шерстяной,
и вот – безразличен и вечен
теряет обыденный вечер
влюбленности власть надо мной.
И эта подвядшая елка
в тяжелой чужой мишуре,
и ветер так нудно и долго
зудит об углы и без толку
растратит сугробы в поземку
в асфальтовом нашем дворе.

19 – 20 января 1992. Москва.

ДАША

Неприкрытое имя, воздух,
выдох горла неоперенный –
эхо мира, который создан,
но не вымолвлен поименно.
Этой трелью созвучий ранних,
этой дробью согласных странных,
этим всплеском глухим гортанным
что – отметить и что – оставить?
Слов соцветья, живущих, личных,
где без смысла – и не бывало,
радость речи полупривычной –
привилегия годовалых.

Февраль – март 1992. Москва.

* * *

А. Ш.

Ты – самый ближний, и любить вразброд –
то Бога, то тебя – невыносимо,
и не бывает, и проходит мимо;
и как нога нащупывает брод,
моя любовь в потоке коченеет,
то сделать шаг несверенный не смеет,
то по камням осклизлым соскользнет.
А берег здесь – и беззащитны дети,
вздымая брызги с хохотом Бессмертья,
которое – само перенесет.

27 июня 1992, Мозгово

* * *

Насте

Серый взгляд под копной вельможной
слишком длинных твоих волос ...
Он – прохожий неосторожный,
проходящий дома насквозь.
Неприкрытый, случайно-нежный,
как звезда для чужих путей,
он никем еще не затвержен
в столь земной простоте своей.
Неумелый и неизбежный,
из-под взмаха ресниц – сейчас –
свет небрежных твоих безбрежных,
не ко мне обращенных глаз.

Лето 1992, Москва

ЗВЕНИГОРОД

I. Июль

В Звенигороде воздух закипел
и загудел стадами насекомых
и полон спелых трав, и босиком мы
тепла земного щупаем предел.
Его холмы ложатся невпопад,
его ручьи и тропы – все смешалось ...
В глазах поболее, чем в ногах, усталость –
из зелени и зноя водопад.
Звенигород! До белых стен, до слов,
забытых на проспектах и затертых,
за тем, что было в-третьих и в-четвертых,
добраться здесь. Не звон колоколов –
так звон земли, под небом распростертый.
И свет тебе как кровь, и тень – как кров.

II. Август

Травы готовятся к осени. Воздух затих.
Почва теплом нерастраченным вдосталь напоит.
Месяц высокого имени! в жилах твоих
золото медленно катится, патока бродит.
Месяц холодного вечера, ранней зари,
скрытой в холмах. Синевою затоплены сосны.
И на глубинах, в оврагах, живут ручейки,
и на высотах, над кронами, падают звезды.
Месяц прощания с летом и сжатых хлебов,
преображенного запаха – яблоко, ладан ...
Маленький город укрылся от всех городов,
бережным лесом в холмистых ладонях запрятан.
Месяц высокого облика – до облаков,
речи неспешной и все же неблизкой разлуки,
утра, привычного к чуду – и нет больше слов:
мы были вместе – и звезды ложились нам в руки.

Август – октябрь 1992, Звенигород – Москва – самолет на Амстердам.

* * *

... А деревья на Трубной – шумели,
а асфальт под грозою – бурлил ...
Без зонта, без любви и без цели
он Москвою советской бродил.
(Неземной, ностальгически-чистый
и ненынешний образ Москвы,
где мы были честны и речисты,
где мы были бедны и правы!)
Предвечерней, небрежной грозою
на дома брошен тающий свет.
Не со мною – и все же со мною
в те чуть больше пятнадцати лет ...
Рокотало, кипело и било,
и по улицам мусор несло ...
Я придумаю, как это было –
я запомнил, как быть бы могло.
Я впитал эти запахи, звуки
никогда не бывавшей Москвы,
где нам крыльями – слабые руки,
где нам счастьем – наклон головы.
Только мокрые липы да клены,
да раскаты – в остаток, вдали.
Да бульварами – мальчик, влюбленный
в обнаженное счастье земли.
Непотасканный, грустный и честный
(самому так казалось – на ять!)
он влюблялся в прохожих ровесниц
и еще не умел выбирать.

26 марта 1994, Москва

PARIS

Fluctuat nec mergitur

Город-собиратель, где не встретишь
в двух соседних улицах повтора...
Меж каштанов ошалелый ветер
с вечностью заводит разговоры.
Здесь вино, как воздух, неизбежно
и любовь нечаянна, как выдох;
здесь рассветных крыш коснувшись нежно
новый день торопится на выход.
Празднество обыденного быта,
постоянство резкой перемены...
Всей российской жизнью – недопита
эта кутерьма над гладью Сены.
И спешим, коверкая глаголы,
насмотреться вдоволь, надышаться
чуть пьянящим воздухом веселым
истинно объединенных наций.
И химеры с каменной улыбкой
смотрят с высоты своих веков
на игривый, радужный и зыбкий
образ счастья прочих городов.
А над ними – звезд вечерних россыпь
к облакам спускается пониже,
чтобы на бульварах выткать роспись:
Anno Domini такого-то. В Париже.

30 июня 1996 – 11 декабря 1998, Париж – Москва – Париж – Женева.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

I.

Снимите с Креста и воздайте Ему тишину.
Впервые за долгие дни Одинокий остался один.
Предайте Его долгожданному темному сну,
чтоб смог от живых отдохнуть Человеческий Сын.
Молчание. Камни и звезды. Боль согнутых спин.
Вот горстка последних, замкнувшихся в скорби своей.
В крови и поту так тяжел Человеческий Сын,
распятый другими сынами из рода людей.
И даже земля запечатала ныне уста
у входа во гроб, где Он спит под покровом небес,
пока не взошла еще в наших сердцах простота
догадки о страшном созвучии – “крест” и “воскрес”.

Страстная Пятница (5 апреля) 1991. Москва.

II.

Труд новой Страстной просыпается исподволь, здесь,
в пространстве меж словом и делом, меж хлебом и потом.
И тонким намеком – и властным призыванием – весть:
приходит Мессия. Спешите, спешите к воротам!
И вербы, как пальмы, Ему выстилают шаги,
и свечи, как пальцы, Ему простирают навстречу.
Скупаются яйца. Пекут куличи, пироги,
и дом пылесосят в Четверг. Приближается вечер.
Он хлеб преломил за столом и разбавил вино,
и хлопоты наших домашних – Ему не помеха.
Иуда торопится. Пишут, как заведено
открытки родным: “Поздравляем! Здоровья, успеха”.
А он в Гефсимании. Тени уснувших олив
ложатся апостолам на неумелые плечи...
Оливковым маслом салат оливье зарядив,
окончат домашние хлопоты в пасмурный вечер.
И только бы тут им очнуться – под факельный свет,
под эти багровые отблески будущей Крови...
И просто понять, что иного у нас уже нет,
и смерти нет места, и жизни нет больше условий.
Как счастливы, Господи – мы родились не тогда,
не мы променяли Тебя на пустые заботы,
и нам не досталось стоять у подножья Креста,
и нам не осталось слепой и безумной работы –
от крови и пота омыть то, что было Тобой,
и не умереть от потери последнего чуда...
На землю приходит Страстная. И с ней, вразнобой:
заботы – отсюда, и ужас потери – оттуда.
Нам только бы каменный взор оторвать от земли
и встретиться с болью живой, а не с собственной ложью,
чтоб все позабыв, мы бы заново нынче смогли
стоять у Креста, раз взойти на него невозможно.

Страстная Пятница (21 апреля) 1995 г. Москва.

III.

Волною морскою на уличный гам
накатит от паперти скорбное пенье...
И свечи, как души, открыты ветрам –
чуть теплится свет Твоего воскресенья.
Волною морскою сей город омыть –
куда нам! Мы слабое, малое стадо.
И нам остается лишь верить и жить
волною морскою – так надо. Так надо!
Погаснет свеча, и зажжешь от другой,
и голой рукою прикроешь от ветра...
Волною морскою – на берег людской
приходят приливы нездешнего света.
Чуть позже – зажгут фонари на Тверской,
а море людское не вкусит покоя.
... и это пройдет. Но пребудет с Тобой:
«Волною морскою, волною морскою...»

13-14 апреля 2001, Москва

IV.

Легко душе, мечтая о земном,
на любящей Руке лежать зерном.
Но час, когда Ладонь наклонена...
Зерну – суметь пройти путем зерна:
предельная, несбыточная честность.
Растаяла родная теплота –
приговорен к свободному полету,
и промелькнуло голубое что-то...
Черта земли прохладна и пуста,
и ужас под названьем «неизвестность».
Сейчас, и здесь, и весь – не обойти
ни сроком, ни условием, ни криком.
Под пологом великим и безликим
ступить на непонятные пути.
Суметь до всяких сроков умереть,
иначе будет поздно, и неполным
твой колос ляжет в золотые волны
на ниве радости.
Успеть. Успеть. Успеть!
И чтоб душа не стыла там одна –
Сам Сеятель идет путем зерна.

3 мая 2002 (Великая Пятница), Москва.

* * *

А.Ш.

*Тебе давно не снятся паруса...
С. Яблонская*

Когда давно не снятся паруса
на середине здешней нашей жизни –
о юности, как о былой отчизне,
напомнят нам другие голоса.
Покажется, что всё уже давно
оставлено, убито и забыто,
что колесом бессмысленного быта
в небытие былое сметено.
Ты говоришь, что ты была такой,
как этот голос, и, как этот парус –
растаяла, рассталась, растерялась...
Когда б котенком пело под рукой
обыденное счастье наших дней,
чтоб ты осталась сказочной и тонкой,
смешной, немного взбалмошной девчонкой...
Ей вновь не быть – и не забыть о ней.
Но живо – всё. Тот парусный полёт –
и в зеркалах любви неумелой,
и в детских лицах, и в поземке белой,
и в светлой седине твоей живёт.
А дочери – пятнадцать, значит нам –
шестнадцать, ибо прочее – неважно.
...и паруса корабликов бумажных
по-прежнему плывут по нашим снам.

18 января 2002

* * *

Это больно, когда Ты уносишь боль:
я ведь прежде считал, что она – моя;
я не мог ее разделить с Тобой,
слишком мало было во мне – меня.
Выбрал первым Ты, потому что я
ни за что, никогда бы не выбрал крест.
Ты сказал, что теперь эта боль – Твоя.
... И стоит Твой Крест возле людных мест;
мимо – поступь усталых и стертых ног,
мимо – взгляд равнодушно-тревожных глаз...
Но Ты сделал все, что Ты только мог,
для израненных, злых и свободных нас.
Нам осталось увидеть, что лишь с Тобой
мы способны остаться и стать людьми,
протянув на раскрытой ладони боль
и чуть слышно Тебе прошептав: «возьми!»

23-25 июля 2002, Taizé – Ligugé

КЫЗЫЛ

Саян надежные плечи,
бурой степи морщины...
На сопки валится вечер.
Травы, кони, мужчины.
Пылью пропахший пластырь
высушенных растений...
История непричастна
вращенью солнечной тени.
История непонятна.
История неизбежна.
А здесь лишь сумрака пятна
растут во степи безбрежной,
и прожитый день весенний
тонет в хмурой нирване
течения Енисея –
словно при Чингисхане.
И солнце взирает оком –
бесстрастным, косым, знакомым –
как ловит голубя сокол
над ветхим сталинским домом.

июнь-август 2002; Кызыл – Юрмала – Москва

ЛАТВИИ

Ветер, волны и сосны.
Имя твое – как песня.
Лета твои – как вёсны.
Закаты твои – чудесны.
Сплеталось твое наследство
с московской моей судьбою,
и морем дышало детство –
огромное и голубое.
Теперь не изменишь – поздно:
четверть меня – с тобою...
Бледные твои звезды,
рыжая твоя хвоя,
сонные твои воды,
синие твои башни –
прячут от непогоды
день мой позавчерашний.
И чайка, как той весною,
под крыльями прячет ветер,
свет сосен и стон прибоя,
чтоб нашим отдать детям.

август – ноябрь 2002, Юрмала – Москва – Horsleys Green.

* * *

Распадается дружба... К чему нам причины?
Их нетрудно найти, даже если их нет:
наших солнечных дней мы сочли половины,
будто делятся надвое ветер и свет.
Ловим профиль любимый в сумятице улиц,
всё лелеем невстречу, бичуем мечты...
Были сны друг о друге – и вот, мы проснулись
и не вынесли вида своей наготы.
Было небо – останутся звездные карты,
на участки поделена будет земля.
Не сдержат нам веселого, злого азарта
двух колючих, голодных и маленьких «я».
Ну, а сердце... Привыкнет к реальной пустыне,
к ледящему ветру своей правоты,
поболит, покричит, прогорит и остынет,
не сказав, не услышав:

«я – это ты».

12 сентября 2003, Москва.

ВИРТУАЛЬНОСТИ

В наших раненных одиночествах –
во дворцах из слоновой кости
мы попрятались, нам так хочется,
чтобы нас пригласили в гости,
чтобы слушали и не ранили,
чтобы нам распахнули двери
между правдой и пониманием,
между самостью и доверием.
Там, снаружи – темно и холодно,
в замках – топят камин фантазии,
и томится живое золото
в сказках, нам еще нерасказанных,
и за той голубой излучиной
брызги смеха взметает детство...
Наше сердце – щенок измученный –
ищет дом, чтобы в нем согреться.

11- 24 октября 2003, Москва

ЧИТАЯ ЕККЛЕСИАСТА

АШ

«Возвращается ветер на круги...»
На витке нашей новой зимы
в вое вьюги – стихи друг о друге
различить, и сказать: «это мы».
«Возвращаются реки к истокам...»
И читаешь тогда между строк:
в мире, часто слепом и жестоком,
никуда не исчезнет Исток.
«Не насытится око...» И срокам
вопреки, и назло декабрю
словно в детстве, смешном и высоком –
я тебя ненасытно люблю.

5 декабря 2003, Кызыл.

* * *

Никому ты не дашь этих дней –
этой хмурой и пасмурной неги,
этих улиц, забывших о снеге,
полувзглядов и полутеней.
Их размеренность, их череда
ускоряет разбег по привычке,
как пейзаж за окном электрички,
как по стеклам – косая вода.
Ты доводишь их бег до конца,
рвешь наотмашь... А впрочем, неважно:
этой грусти ненужной, бумажной –
за стеклом не увидеть лица.
За экраном... И вся недолга –
в виртуальности всем мы богаты;
властелин своего циферблата,
ты – эмоций усердный слуга.
Скоро снег и рассвет, а потом,
как застынут обиды и реки,
в новый год понесут человеки
боль асфальта под снежным бинтом.

15-18 декабря 2006, Москва

* * *

И что с того?
Нет, правда, что с того?
И с этого, и с той, и с посторонних?
Качает мир на собственной ладони
бесмысленное наше божество,
и взвешивает, что ему под стать,
и раздает непрошено награды,
и настроений тонких перепады
готово беспощадно насаждать.
А за порогом снег, и круговерть,
людская недосказанность глухая
и нагота бредет к воротам рая,
наощупь пробираясь через смерть.
И зазвучит как жизни торжество
предзимняя усталая дорога,
где хмурых лиц и судеб смутных много,
и всё не так – но, право, что с того?

4 ноября 2007, Стамбул

* * *

Переведи, переведи часы
всего лишь стрелки – тонкие, простые
через года постылые, пустые
до новой белоснежной полосы
переведи сквозь баррель и сквозь газ
сквозь курсы доллара и биржевые сводки
туда, где помирают не от водки
и где в метро не прячут злобных глаз
переведи через Донбасс и Крым
через Кавказ, Поволжье и Курилы
ты вытащи, тебе ведь хватит силы
безвременье – туда, к своим, к живым
переведи часы через майдан
грядущий, ожидаемый, кровавый
сквозь опьянение чьей-то новой славой
сквозь заново сплетаемый обман
сквозь каменную хмарь календаря
сквозь эту заблудившуюся темень
сквозь нами же потерянное время
последним воскресеньем октября

26 октября 2014, Москва